

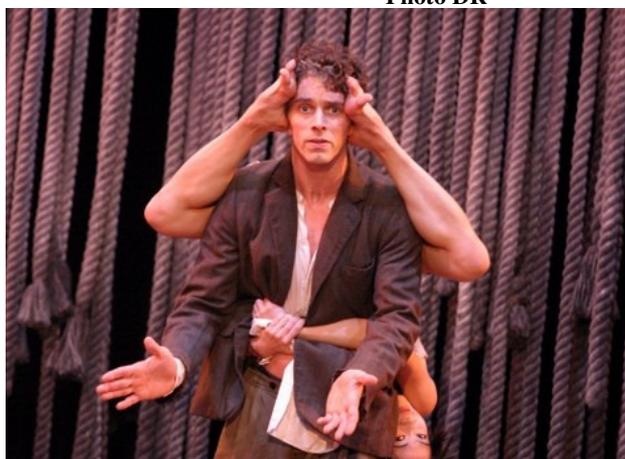

Веб-журнал "Европейская Афиша" N5 11/05/2011 www.afficha.info

« До свидания, зонтик» или здравствуйте, Джеймс Тьерре!

Екатерина Богопольская

Photo DR

Вот уже несколько лет в Париже продолжается настоящая Джеймсомания - Франция короновала всеми возможными почестями, в том числе несколькими «Мольерами»¹, необыкновенного артиста и создателя феерических спектаклей Джеймса Тьерре (James Thierrée).

Джеймс Тьерре - акробат, трапезист, танцор, скрипач, в общем все то, что, по его мнению, имеет отношение к воздушному, включая музыку. А еще он удивительный мим, и это не совсем случайно,- как никак Джеймс Спенсер Анри Эдмонд Марсель, как звучит его полное имя, родившийся в Лозанне в 1974 году, - внук Чарли Чаплина. И сын Виктории и Жана-Батиста Тьерре, создателей так называемого нового цирка, в котором цирковое представление превратилось из набора номеров в законченное поэтическое произведение, драму, рассказанную с помощью акробатики, клоунады, фокусов и многого из того, что могут предложить другие искусства. Причем подлинная история Виктории и Жана-Батиста вполне могла бы стать сюжетом поэмы или фильма, например, «Дети райка», только со счастливым концом. В 1971 году молодой, подающий надежды актер, уже снявшийся у Алена Рене и сыгравший в спектаклях Роже Планшона и Питера Брука, решает все бросить и уйти в цирк, искусство, как ему кажется « истинно площадное, народное». И как раз в это время на глаза ему попадает журнал, где на террасе женевского кафе сфотографированы Чарли Чаплин с младшей дочерью, Викторией. Чаплин рассказывал

¹ Французский аналог российской «Золотой маски»

о том что собирается снимать ее в своем новом фильме, специально для нее придуманном, « The Freak », а восемнадцатилетняя Виктория говорила, что очень любит цирк и мечтает стать клоуном. Потрясенный Жан-Батист тут же пишет ей письмо, и как ни странно через несколько дней получает ответ. Потом они встретились и... с тех пор и вот уже более тридцати лет колесит по миру «Цирк Воображаемого», переименованный позднее в «Цирк Невидимого» (Le cirque de l'Invisible) Виктории и Жана-Батиста Тьерре. Джеймс, как это часто бывает в семьях бродячих комедиантов и циркачей, начал выступать с самого раннего детства, с четырех лет. Став взрослым, пополнил свое актерское образование в Стрелеровском Пикколо театре в Милане, потом в Гарварде. И хотя он уже успел сняться у Питера Гринуэя, Рауля Руиса и Ролана Жоффе, заговорили о нем только после того, как Джеймс показал свой первый самостоятельный спектакль «Симфония майского жука». Кстати его труппа, созданная в 1998 году, так и называется, Compagnie du Hanneton, Майского жука. Потом был не менее шоковый успех его второго спектакля, «La veillée des Abysses», «Ночь пропасти». «Прощай, зонтик» - третий спектакль Джеймса, с которым он за несколько лет исколесил весь мир.

Поэтические фантасмагории

Спектакли Джеймса Тьерре пересказать почти невозможно, как вообще невозможно обычными словами пересказывать поэзию. Вероятно поэтому его спектакли вообще обходятся без слов. Его создания из того же ряда, из той же кажется материи, из которой созданы наши сны и мечтания, с той же алогичной логикой и вечно ускользающим смыслом. А может быть, это продолжение наших детских мечтаний, когда кажется: все возможно? Тогда все становится возможным и на сцене - спрятаться за пальцами ног, раскрыв их как веер, драться на дуэли колосками ржи, или ссориться с курткой, которая никак не надевается, как с человеком. (И все это Тьерре проделывает с грацией и изяществом, достойным разве что великого Чарли, на которого Джеймс так удивительно похож и внешне). Вот только реальность почему-то вовсе не желает соответствовать нашим фантазиям, в конечном счете оставляя наедине с одиночеством и смертью. Сюжет спектакля « Прощай, зонтик» в самых общих чертах исходит из мифа об Орфее, отправляющемся на поиски своей возлюбленной, Эвридики, которую он, едва найдя и освободив от смерти, вновь обречен был потерять. Так и герой, поэт и странник «всех дорог», в роли которого сам

Джеймс Тьерре, предаётся ностальгическому воспоминанию о возлюбленной, которую он постоянно ищет, и неотвратно теряет в каждом следующем эпизоде. А грозит ей кажется не реальная смерть с косой - хотя и Смерти здесь найдется место, а какая-то ирреальная, то необъяснимо-таинственная, то откровенно бурлескная материя. Вроде огромного ствола из множества канатов, спускающегося с колосников в начале действия, который человека то ли подминает, то ли заглатывает в свою утробу, а потом может и «сплюнуть». Или сюрреалистических существ - рыб, гусениц, улиток, которые пытаются опутать или уничтожить героя, разлучить, сотворить всякое зло, но выглядят так нарочито смехотворно, что становится безудержно смешно. Как боль и радость, трагическая безысходность соседствует здесь с нежнейшей иронией. А эпизоды между собой соединяют оперные ариозо, в исполнении певицы Марии Сендоу. Немного абсурдистская пантомима шведского актера Магнуса Жакобссона, и завораживающие визуальные картинки (необычные костюмы придумывала Виктория Чаплин), и уморительно смешные гэки, но над всем словно парит воздушный танец «ускользающей женщины» в исполнении воздушной гимнастки и танцовщицы Сатчи Норо, и вторящий ей акробатический танец Дочки - японки Каори Ито, и летящие пируэты на канате, на платформе, на кресле - Джеймса Тьерре, циркача и танцора. Спектакль начинается в стилистике почти сказочной – с макета домика со светящимися окнами, такого маленького, такого трогательного в огромном пространстве сцены, и его появление сопровождает голос женщины, выводящий щемящую мелодию Вивальди. А заканчивается праздничной феерией – натягивают купол цирка-шапито, тогда как с неба обрушивается фейерверк ...бадминтонных воланчиков. « Я всегда возвращаюсь к цирковому началу, - говорит Джеймс. - Мне так хочется обратиться к доброй сущности зрителей. Сказать им: позвольте увлечь себя, отдайтесь желанию мечтать о невозможном. Речь не идет о том, чтобы притворяться, будто мы - дети, просто детство – единственный момент, когда это состояние мгновенно достижимо. Можно назвать это состоянием невинностью, или, если быть более циничным, наивностью. Это мир, в котором понятия доброго и злого просто неизвестны, отсутствуют. А вообще-то я сам себя называю диктатором, только я властвую над предметами, декорациями, звуками, освещением. Что касается работы с артистами...Я никогда ничего особо не объясняю, слово - это не мой конек. Я воображаю себе ситуацию, и мы вместе ищем как ее реализовать. Хотя в конечном счете я отдаю себе отчет в том, что стремление во что бы то ни стало следовать определенной сюжетной линии будет только нас тормозить, рискует заключить спектакль в некий ненужный каркас и сломать. Наша цель скорее заключается в том, чтобы привести зрителя в пространство, где пересекается рассказ и визуальная эмоция».